

Е.А. Западнюк

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ГЕРМАНИИ О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В современных условиях, когда пошатнулись казавшиеся незыблемыми устои мировоззренческих концепций, концентрировавших в себе весь прежний исторический опыт, очевидной становится потребность в поиске и разработке новых доктрин, позволяющих описать и осмыслить вновь возникшие явления. В этот процесс вовлечены представители различных течений общественной мысли, в том числе и Германии.

Решению главной для мировой экономической мысли проблемы — созданию новой социально-экономической концепции свободного демократического развития способствуют теоретические разработки и практические шаги по их реализации в германских нелиберальных и социал-демократических моделях социального и экономического пространства. В этом русле следуют и леворадикальные теоретики, которые стремятся построить свою новую экономическую парадигму общественного развития, поставив человека в центр постиндустриальной системы не как главный экономический ресурс, а как конечный результат развития общества.

Весьма примечательно, что основой моделей социального и экономического пространства в большинстве концепций выступает система социального рыночного хозяйства. Она возобладали в Германии не без политических и общественных конфликтов. Первые послевоенные шаги по реализации этой модели вызвали определенные разногласия в обществе, сменившиеся консенсусом с тех пор, как в ее поддержку в 50-х гг. XX в. активно начала выступать социал-демократия. По мере того, как рыночное хозяйство демонстрировало новые экономические успехи, возрастало количество сторонников этой концепции, к которым, кроме политических элит, стали присоединяться широкие слои населения.

Содержание моделей социального и экономического пространства в концепциях неолибералов, социал-демократов и левых радикалов Германии свидетельствует о высокой эффективности государственного регулирования в социальном рыночном хозяйстве не столько благодаря неким особым инструментам и рычагам, сколько их систематическому взаимодействию и выверенным пропорциям. Как только между отдельными инструментами или даже между отдельными хозяйственно-политическими направлениями возникает рассогласование, сразу возникают проблемы, преодоление которых требует времени и немалых затрат.

Анализ особенностей эволюции теоретических и методологических положений неолиберальной доктрины социального рыночного хозяйства и основанных на ней механизмов регулирования наглядно показал, что процесс модификации ее концептуального содержания отражает изменения социально-экономических условий жизни населения ФРГ. Сама специфика подхода западногерманских экономистов к обновлению концептуального содержания этой доктрины во многом зависит от социально-политической обстановки в стране и конкретной социально-экономической политики государства.

Неолиберальная модель социального и экономического пространства в течение послевоенного периода дополнялась некоторыми социал-реформистскими рекомендациями, отдельными социально-политическими положениями католицизма. Но уже со второй половины 1960-х гг. она включает определенный набор теоретических и практических разработок неокейнсианцев. Такая модернизация доктрины связана с нарастанием кризиса самого неолиберализма.

Однако применение элементов экономического программирования и стремление теоретиков неолиберального течения создать некий «неоклассический синтез», сформировать своего рода «интегральную модель» социального рыночного хозяйства, несмотря на определенные успехи, не привели к ожидаемым результатам. В силу резкого обострения социально-экономических противоречий обнаружился явный кризис существующей модификации доктрины социального рыночного хозяйства. Представители многих школ экономической мысли Германии активизировали поиски новых идей в области экономической теории,

заметным стало стремление модернизировать модель социального и экономического пространства на основе ее неолиберального толкования. Вместе с тем решение неотложных экономических проблем Германии в условиях ужесточения конкуренции на мировых рынках способствовало усилению консервативных тенденций в социально-экономической политике государства.

Теоретическое содержание современной модификации доктрины социального рыночного хозяйства и основанной на ней неолиберальной модели социального и экономического пространства по-прежнему связано с учением В. Ойкена об «идеальных типах государственного управления» в экономике и традиционными исследованиями в рамках экономической теории о возможности выбора «третьего пути» общественного развития, который, по меткому выражению Х. Ламперта, пролегает «между необузданным, лишенным целенаправленно сформированного порядка рыночным капитализмом XIX–начала XX в. в том виде, в каком он господствовал в большинстве западных стран, и тоталитарной административной экономикой»¹. При этом основной упор в модели социального и экономического пространства делается на концепцию хозяйственного порядка, обеспечивающего, с точки зрения теоретиков неолиберализма, свободное развитие человека и социальную справедливость. Но справедливость, основанную на равных возможностях. Социальная справедливость измеряется не социальным равенством — его нет, а равной ценностью индивидов. Политика же хозяйственного порядка способствует не только созданию общих рамок хозяйствования, посредством которых устанавливаются правила хозяйственного поведения и необходимые ограничения, но и формированию институтов снизу, соответствующих избранному хозяйственному порядку в стране.

Однако реальная модель регулирования в неолиберальной доктрине социального рыночного хозяйства, как правильно отметил В. Гутник, отклоняется от идей В. Ойкена и тем более Ф. фон Хайека о свободном конкурентном порядке. Это связано прежде всего с тем, что государство не ограничивается политической хозяйственного порядка и отдельными корректирующими вторжениями в экономические процессы. Оно играет существенную роль в постоянном перераспределении доходов, широко используя методы финансовой и социальной политики².

С позиции В. Ойкена, рациональное использование ресурсов при последовательно реализуемом конкурентном порядке в решающей степени уже уменьшает остроту социального вопроса и не требует осуществления широкомасштабных перераспределительных мер. Вместе с тем экономические успехи социального рыночного хозяйства не оттеснили социально-экономические меры на второй план. Именно экономические успехи обусловили прогресс социальный и одновременно увеличили возможности государства для проведения широкомасштабной социальной политики.

Следует подчеркнуть, что социальные проблемы в рыночной экономике, как показывает реализация доктрины социального рыночного хозяйства в Германии, решает и рынок, и государство. Поэтому важно, особенно в целях формирования социальной рыночной экономики в Беларуси и России, найти баланс между рынком и государством, чтобы распределительная функция социального обеспечения не подрывала другие функции обоих институтов.

В теоретико-практическое содержание неолиберальной доктрины социального рыночного хозяйства на современном этапе ее эволюции вошли также отдельные разработки монетаристов, теоретиков экономики предложения, «новых политэкономов» и сторонников неоклассического синтеза. Определенное влияние на обновление доктрины оказали и теоретико-методологические рекомендации представителей институционализма и других течений в теории экономики, которые непосредственно учитывались западногерманскими экономистами при обосновании тех или иных постулатов.

Современное коалиционное правительство канцлера А. Меркель так же, как и бывшее социал-демократическое правительство Г. Шредера, действует в экономической политике, по сути, в русле основных догм доктрины социального рыночного хозяйства, усилив акцент на политике обеспечения хозяйственного порядка. Проведение в ФРГ налоговых реформ, ограничение административного вмешательства государства в частнопредпринимательскую деятельность способствуют расширению роли рынка в хозяйственной системе и оказывают определенное положительное воздействие на экономику. Фактически и сегодня в ФРГ на основе дерегулирования экономики идет формирова-

ние нового хозяйственного механизма, что положительно отражается на эффективности системы хозяйствования страны. Так, например, растет активность частного бизнеса в сфере НИОКР, повышается мобильность экономических процессов и наглядно обнаруживается способность Германии выходить из сложных социально-экономических ситуаций. Вместе с тем в последнее время это требует все больших усилий и неоднозначно сказывается на внутренней социально-экономической обстановке в стране и взаимоотношениях ФРГ со своими торговыми партнерами.

Однако ориентация правящей консервативно-либеральной коалиции в процессе перестройки государственной системы хозяйствования на стимулирование предпринимательской активности и ответственности, развитие «сотрудничества» предпринимателей и наемных работников, раскрепощение рыночных сил и соблюдение экологических стандартов, решение проблем социальной безопасности и занятости способствует частичной реализации накопившихся проблем. Но она не способствует снижению социальной напряженности в стране в целом. Несмотря на ужесточение административно-правовых положений, регулирующих взаимоотношения в государстве и порядок разрешения социально-политических конфликтов, возросла активность профсоюзов и других общественных объединений.

В этих условиях в ФРГ с новой силой обостряется «борьба» между различными течениями и направлениями экономической мысли. Борьба носит конъюнктурный характер и ведется в основном вокруг форм проявления нынешнего кризиса хозяйственного механизма, который не преодолен и продолжает углубляться. При этом в ходе дискуссий не раскрываются глубинные причины обострения социально-экономических противоречий, а очередные практические рекомендации выводятся экономистами на основе теоретических заключений и фактов. Между тем поиск новых моделей социального и экономического пространства — объективное требование времени, обусловленное рядом новых моментов: социальными, экономическими, экологическими границами промышленного роста; процессами глобализации и интернационализации жизни общества; освобождением от иллюзий относительно нейтральности развития техники и науки. Человечество убедилось, что с развитием на-

уки и производства также могут высвободиться иррациональные и деструктивные силы.

В соответствии с таким пониманием новых проблем, вставших не только перед немецким обществом, но и человечеством в целом, социал-демократы Германии пытаются определить пути решения проблем, выработать свою новую модель социального и экономического пространства на основе концепции демократического социализма. Эта социал-демократическая альтернатива наметилась, по сути, еще в начале истории рабочего движения и с течением времени облекалась в разные формы и модели. Однако главным ее содержанием была идея о том, что экономический строй, действительно способствующий достижению равной свободы для всех, требует ответственного общественного регулирования в масштабах всей экономики, а сама модель экономики представляет собой смешанную экономику (но к идее о смешанной экономике социал-демократы пришли только в 1980-х гг.). В этом смысле социал-демократическая альтернатива означает, что свобода и равенство в экономической жизни не могут быть достигнуты через свободу произвола экономически сильных, а только в результате солидарной организации основных процессов принятия решений. В этом именно и заключается ведущий институциональный принцип нового экономического и общественного строя.

Социал-демократическая модель социального и экономического пространства основывается на доктрине демократического социального государства (демократическом социализме), которое, по словам видного теоретика СДПГ Т. Майера, «не ограничивается тем, что абстрактно гарантирует всем своим гражданам формальные права на свободу и соучастие, предоставляя все остальное собственным силам каждого и не учитывая при этом, в состоянии ли отдельный человек по своим социальным и экономическим возможностям использовать эти права на практике»³. С позиции социал-демократов, демократическое социальное государство через активное формирование общественных условий гарантирует свободу и равенство граждан в действительности.

Важным для формирования модели социального и экономического пространства в переходной экономике большинства стран СНГ является и то, что, преодолевая уравнительно-распредели-

тельный подход к социализму как основной модели общественного устройства, социал-демократы Германии в течение многих десятилетий выходили на нравственное осмысление идеи демократического социализма. При этом в центр усилий, направленных на гармонизацию общественных отношений, они поставили свободу отдельно взятого человека. Не просто свободу абстрактного индивидуума, а личности, глубоким нравственным побуждением которой является сострадание к ущемленному, а политическим выражением воли — осмысленная стратегия социальной защищенности в условиях политической демократии.

Следует также отметить, что в социал-демократической модели социального и экономического пространства нет ясного представления об экономическом компоненте модели, который успешно конкурировал бы с неолиберальной экономической моделью. Более того, делая ставку на кейнсианские рецепты, в конкретной экономической политике социал-демократы заимствовали опыт у неолибералов, о чем свидетельствовала, в частности, их прежний курс на «жесткую экономию», к которому прибегло не только социал-либеральное правительство социал-демократов в 1969–1982 гг., но и правительство красно-зеленой коалиции с 1998 г. В теоретических построениях социал-демократов экономика — наиболее уязвимое место, своего рода «ахиллесова пята».

Классическая социал-демократическая политика, ориентированная на спрос в сочетании с доминированием требований политического регулирования над экономикой чисто рыночных процессов, не достигает желаемого положительного воздействия на занятость. Осуществляющиеся с помощью государства новые инвестиции, безусловно, способствуют дополнительной технологической рационализации процессов производства, а не созданию новых дополнительных рабочих мест. Поэтому выработка социал-демократами собственного эффективного экономического профиля — это вопрос не только престижа, с этим связано во многом само существование социал-демократии как реформистской партии, отстаивающей во многом интересы наемных работников, главным образом путем более справедливого перераспределения социального продукта. То, что социал-демократы в пределах возможного умеют перераспределять, они дока-

зали в прошлом неоднократно. Теперь им вместе с «зелеными» предстоит доказать, что они, не нарушая основных принципов капиталистического рынка, могут хозяйствовать эффективнее, чем неолибералы.

Следует особо подчеркнуть одну из ключевых проблем в анализе функционирования социал-демократической модели социального и экономического пространства — наличие двух серьезных противоречий. Одно из них обусловлено существованием широкой пропасти между программными декларациями о целях и конкретной деятельностью; сами социал-демократы одно время утверждали, что СДПГ «теоретизировала по Каутскому», а «поступала по Бернштейну» (имея в виду при этом политику реформ в полном отрыве от теории). Другое — вытекает из невыполнимого обещания, согласно которому с реализацией модели социального и экономического пространства, с точки зрения теоретиков социал-демократов, можно не только достигнуть свободы и справедливости, но и избавиться от самих общественных противоречий. Это, по сути, идеалистически преувеличенное представление о великих целях, которых будто бы можно будет достигнуть путем реализации социал-демократического проекта.

Значительный интерес с позиции формирования модели социального и экономического пространства будущего общества представляет леворадикальная доктрина. Не претендуя на всеобщность и не имея серьезной базы в лице наемных работников, представителей мелкого бизнеса, левые радикалы в течение относительно короткого промежутка времени сумели критически переоценить традиционные направления социально-экономической мысли, переработать и аккумулировать теоретически ценные, по их мнению, идеи и методологические принципы различных школ и направлений, сумели продвинуться от во многом утопичных и схематичных воззрений к достаточно разработанной научной теории, впитавшей традиции прошлого, а также новые явления современной действительности. При этом в качестве интегрального критерия модели общественного развития они взяли общечеловеческие ценности.

Методологическим исходным моментом теоретического прорыва в этом направлении представляется соответствующая

научная интерпретация понятия модели социального и экономического пространства демократического общества в концепциях левых радикалов. Часто некоторыми представителями левых радикалов демократическое общество, или демократический социализм в социал-демократической трактовке, понималось как некая модель, которая может быть создана в конкретно-исторических условиях той или иной страны как форма реализации общих принципов и закономерностей социалистического (демократического) общественного строя. Именно такой подход признавался «творческим» марксизмом, забывалась же при этом принципиальная позиция К. Маркса, что «коммунизм есть необходимая форма и энергетический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества»⁴. Убежденность в том, что социалистическое (демократическое) общество может быть создано, если использовать для этого верные средства, заводила в тупик в теории и на практике. Заслуга же левых радикалов, считаем, и заключается в отходе от этой порочной традиции. При выполнении поставленных жизнью задач они ведут речь о модели будущего социально-экономического устройства именно в общезначимой, закономерной, сущностной форме.

Теоретические идеи концепций свободного демократического развития левых радикалов Германии имеют значительный потенциал для определения некоторых исходных, базисных структур и механизмов будущего демократического общества, к которому, по сути, идет человечество. Демократизация экономической сферы, в представлении леворадикалов, заключается в полной передаче функций производства, обращения и распределения — за некоторым исключением — непосредственно свободным, самостоятельно хозяйствующим ассоциациям и коммунам, которые по своей социальной природе воплощают подлинное единство труда и коллективной формы собственности.

Следует также отметить, что нельзя, безусловно, трактовать предлагаемую леворадикалами Германии модель социального и экономического пространства как способную охватить все стороны экономической, социальной жизни общества. Но если выявлять главную, определяющую тенденцию современного общественного развития, то таковой оказывается именно корпора-

тивность, т.е. коллективистские начала, которые определяются как развитием производительных сил, так и многими социальными факторами. Время «чистого» индивидуализма кануло безвозвратно в Лету. Преимущественно на коллективных, корпоративных началах сегодня и возможно полнокровное развитие человеческой индивидуальности, а следовательно, и движение общества в направлении к подлинно гуманной, демократической модели устройства будущего, независимо от того, как она называется: то ли «общество демократического участия граждан», то ли «ориентирующая утопия».

Модель социального и экономического пространства левых радикалов в ФРГ нельзя оценить однозначно: с одной стороны, она содержит рациональные зерна, интересные выводы и предложения; с другой стороны, в ней обнаруживаются элементы утопического романтизма. Вместе с тем стремление не только создать свою экономическую концепцию будущего социального устройства, но и обосновать ее с научной точки зрения, найти необходимые механизмы и инструменты для осуществления целей на практике интересны и заслуживают большого внимания и изучения.

Рассмотренные нами неолиберальная, социал-демократическая и леворадикальная модели социального и экономического пространства в послевоенной Германии имеют значение для формирования рыночных отношений, определения современной модели социального и экономического пространства в постсоветских республиках, в частности в Беларуси. Но возникают вопросы: какая все-таки из теоретических школ наиболее близка к выработке концепции реформирования экономики, пребывающей в переходном состоянии, к формированию модели социального и экономического пространства в переходный период? Какая из рассмотренных нами моделей может реально содействовать движению к цивилизованному рынку, преодолению переходного кризиса? Однозначных ответов здесь, по-видимому, нет. Ни одна из рассмотренных концепций, доктрин и моделей не создала теоретического аналога этого процесса и не могла его создать, поскольку подобные проблемы не возникали. Вместе с тем было бы ошибкой не принимать во внимание такие концепции, доктрины и модели. При всей противоречивости и

альтернативности они образуют тот арсенал современной экономической теории, ту практическую базу, без которых не обойтись в решении теоретических проблем переходного состояния экономики, выхода из кризиса и создания успешно функционирующей социальной рыночной экономики.

Определяя задачи переходного периода, следует, по-видимому, обратить особое внимание на обеспечение и поддержание общего экономического равновесия. Это достигается через макроэкономическую стабилизацию, в ходе которой сокращается избыточная денежная масса, вводится либерализация цен, утверждается свобода предпринимательской деятельности как в области производства, так и торговли, формируется конкурентная среда, проводятся антимонопольные мероприятия и т.д. Как тут не вспомнить и не попытаться адаптировать к нашим условиям послевоенный опыт Германии?! Без неолиберальной концепции здесь явно не обойтись. Ее необходимо использовать для анализа экономической ситуации по мере усиления рыночных факторов, хотя на многие вопросы, возникающие в условиях переходной экономики, она не может дать ответ.

Немало полезного для выработки стратегического курса и решения отдельных тактических вопросов содержат модели социального и экономического пространства социал-демократов и левых радикалов, хотя и здесь мы не найдем универсальных теоретических разработок, практических рецептов, касающихся переходного периода и выхода их кризиса.

Вместе с тем можно сделать вывод, что в современных экономических системах, отличающихся исключительной сложностью, недопустимо настойчиво использовать лишь одну модель определенной направленности, например, модель социального и экономического пространства неолибералов, или ориентироваться только на социал-демократические взгляды по моделированию общественного развития. Проблема не в том, что эти модели противоречивы и надо выбирать что-то одно, а в том, как использовать лучшие идеи каждой из них для решения задач переходного периода, формирования социальной рыночной экономики. Опыт «глобального регулирования» и последующий период политики экономического роста в Германии свидетельствует о необходимости сочетать многообразие и кажущиеся про-

тиворечивыми подходы в развитии страны (если они, разумеется, адекватны рынку), исходя не из «идеологической чистоты» социально-экономической политики, а из необходимости комплексного воздействия на основные элементы социально-экономического развития.

Наиболее привлекательной моделью, формирующейся в ходе трансформационного процесса в условиях Беларуси и России, является модель смешанной экономики, т.е. модель социально ориентированной многоукладной рыночной системы хозяйства. В формировании такой модели ведущая роль принадлежит государству, применяющему систему рычагов, обеспечивающих условия необходимой макроэкономической среды и демократизации общества, формирования и эффективного функционирования элементов микроэкономики. Опыт реформирования экономики в постсоциалистических странах показывает: там, где полагались только на стихию рынка, не принимая во внимание судьбы людей, проводя обвальную либерализацию и тотальную приватизацию, как правило, экономика подорвана. Беларусь не пошла по этому пути, что оказалось вполне оправдано. Белорусский опыт реформирования экономики, со всей его противоречивостью и сложностью условий, создавшихся в республике и вне ее, демонстрирует свои преимущества. Формируется модель эффективного государства, базирующаяся не только на собственной основе, но и на использовании наиболее приемлемых и рациональных элементов государств, в том числе Германии с развитой рыночной экономикой. Модель эффективного государства включает создание социального и экономического пространства, в котором сочетаются интересы субъектов хозяйствования всех форм собственности, индивидуальной ответственности и солидарности граждан страны. Она предусматривает формирование условий, обеспечивающих, с одной стороны, наибольшую заинтересованность в высокопроизводительном труде занятой в нем части населения, с другой — наибольшую и стабильную прибыль инвесторам на вложенный капитал, стимулирующий максимально возможный приток средств для развития производства. Важнейшими задачами экономической политики государства являются достижение устойчивого роста производства и повышение отдачи

национальной экономики в ходе широкомасштабных социально-экономических преобразований, которые должны привести к повышению жизненного уровня населения страны, приближению его к уровню высокоразвитых европейских стран.

Очевидно, что реализация стоящих перед народным хозяйством страны задач не может идти вслепую. Требуются соответствующая концепция, доктрина, модель социального и экономического пространства. Обеспечивая это, необходимо широко использовать весь арсенал и потенциалы неолиберальной социал-демократической и леворадикальной моделей функционирования общества. По какому точно сценарию будут формироваться модель социального и экономического пространства, рыночные отношения в стране в целом, сказать однозначно сложно: слишком стремительны происходящие перемены в обществе. Однако ясно одно — в направлении социальной рыночной экономики движемся и мы, пусть, правда, медленно и противоречиво, с большими издержками для народа. Но выбранная модель экономического развития Беларуси как «третий путь» развития экономики, на наш взгляд, — единственно правильная.

Примечания

¹ Социальная рыночная экономика в Германии и экономическая трансформация в России / пер. с нем. М., 1996. С. 295.

² Механизм регулирования в Германии: как он функционирует и чему учит? / под ред. В.П. Гутника. М., 1995. С. 15.

³ Майер Т. Трансформация социал-демократии. Партия на пути в XXI век / пер. с нем. М., 2000. С. 29.

⁴ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 42. С. 127.